

УДК 82-1:1(47)

ББК 83.3(2=411.2)52:87.2(2)522

**Елена Аркадьевна Тахо-Годи**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; профессор кафедры истории русской литературы; ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

## **«Импрессионизм мысли»: к пониманию термина Вл. Соловьева в статье о поэзии К.К. Случевского<sup>1</sup>**

*Аннотация.* Предложен новый подход к интерпретации статьи Вл. Соловьева «Импрессионизм мысли», посвященной творчеству поэта-предсимволиста Константина Случевского (1837–1904). Понятие «импрессионизм мысли», используемое философом в данном литературно-критическом тексте при характеристике лирики К.К. Случевского, до сих пор окончательно не прояснено. Предлагается для выявления исходного значения этого понятия учитывать биографический фактор, так как он помогает прояснить и эволюцию соловьевского отношения к Случевскому как поэту, и отношение мыслителя к «импрессионизму» как культурному явлению. В связи с этим затрагивается вопрос о личном общении философа с известными художниками его времени с точки зрения их возможного влияния на соловьевскую эстетику, а именно на его воззрения на живопись. Для более четкого понимания формулировки «импрессионизм мысли» предлагается рассматривать данную литературно-критическую статью Соловьева в контексте его общей эстетической концепции, базируясь на которой философ высказывал свои суждения о лирических текстах поэтов XIX столетия, и о том сугубо философском контексте, на фоне которого была написана опубликованная в 1897 г. статья, то есть прежде всего на фоне соловьевской гносеологии, нашедшей выражение в его незавершенном трактате «Теоретическая философия» (1897–1899 гг.).

*Ключевые слова:* литературно-критические статьи Вл. Соловьева, лирика К.К. Случевского, «импрессионизм мысли», импрессионизм как культурное явление, эстетическая концепция, истина как гносеологическая проблема

**Elena Arkadevna Takho-Godi**

M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Professor, Department of History of Russian Literature, M.V. Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00800, <https://rscf.ru/project/23-28-00800/>. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation RSF, Project No. № 23-28-00800, <https://rscf.ru/project/23-28-00800/>

## **“Impressionism of thought”: Towards an understanding of Vladimir Solovyov's term in an article on the poetry of Konstantin Sluchevsky**

*Abstract.* The article proposes a new approach to the interpretation of Vladimir Solovyov's article “Impressionism of thought”, devoted to the work of the pre-symbolist poet Konstantin Sluchevsky (1837–1904). It is shown that the very concept of “impressionism of thought” introduced by the philosopher in this literary-critical text in order to characterize the poetry of Sluchevsky has not yet been finally clarified. It is argued that in order to reveal the original meaning that Solovyov put into this formulation, it is necessary to take into account the biographical factor, as it helps to clarify both the development of Solovyov's attitude to Sluchevsky as a poet, and the thinker's attitude to “impressionism” as a cultural phenomenon. In this connection, the question of the philosopher's personal contact with famous artists of his time is raised from the point of view of their possible influence on Solovyov's aesthetics, namely on his views on painting. It is shown that for a clearer understanding of the formula “Impressionism of thought” it is necessary to consider this literary-critical article by Solovyov in the context his general aesthetic conception on the basis of which Solovyov expressed his judgments about the lyrical texts of the poets of the 19th century, and the purely philosophical context against the background of which the article, published in 1897, was written. That is, first of all, against the background of Solovyov's gnoseology, expressed in his unfinished treatise “Theoretical philosophy” (1897–1899).

*Key words:* literary-critical articles by V. Solovyov, lyrics by K.K. Sluchevsky, “impressionism of thought”, “impressionism” as a cultural phenomenon, aesthetic concept, truth as a problem of gnoseology

**DOI:** 10.17588/2076-9210.2025.2.139-160

Творчество одного из самобытнейших русских предсимволистов Константина Случевского (1837–1904) – и в наше время, и при его жизни – всегда оставалось достоянием достаточно узкого круга почитателей и ценителей. «Поэта противоречий», как назвал Случевского В.Я. Брюсов<sup>2</sup>, читательская аудитория всегда воспринимала неоднозначно. Причем не столько из-за мировоззренческих противоречий, на которые указывал В.Я. Брюсов: сама поэтика Случевского, полная стилистических диссонансов, вызывала у большинства читателей и критиков неприятие и отторжение. В начале XIX в. Стендаль писал: «Мастера учат нас: ищите таких мелодий, которые были бы одновременно прозрачными, легкими, осмысленными, изящными и, не отличаясь чрезмерной изысканностью, не отдавали бы банальностью. Последнего промаха вы можете избежать, вводя диссонансы: вначале они вызывают слегка неприятное чувство; наше ухо настойчиво просит их разрешения и испытывает явное удовлетворение, когда композитор разрешает их. Диссонансы пробуждают наше внимание: они похожи на сильнодействующие средства, применяемые к человеку, впадшему в летаргический сон. <...> Диссонансы в музыке – это почти то же,

---

<sup>2</sup> См.: Брюсов В.Я. Поэт противоречий // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии. Далекие и близкие. М.: Худож. лит., 1973. С. 231–234 [1].

что светотень в живописи: ими не следует злоупотреблять» [2, с. 50–51]. Случевский, начавший свой поэтический путь в 1850-е гг. – в эпоху смены стилей, крушения романтических канонов и установления новых, реалистических, этот закон гармонии нарушал начиная с первых своих литературных опытов, безжалостно совмещая поэтизмы с прозаизмами, уничтожая заодно и жанровые границы. Так, жанр «кладбищенской элегии», канонизированный в русской поэзии В.А. Жуковским в «Сельском кладбище» (кстати сказать, это стихотворение Соловьев считал «родиной русской поэзии»<sup>3</sup>), под пером Случевского превращался в гротескную фантазмагорию – в дружескую беседу с мертвецом в стихотворении «На кладбище» (1860 г.), сразу вызвав пародии в свой адрес. Соловьевская положительная оценка лирики Случевского принадлежит к числу относительно немногих исключений, если мы сравним ее с откликами других современных поэту критиков. Возможно, свою роль тут сыграло и личное общение. На это тем более важно обратить внимание, что в задуманную философом, но, к сожалению, неосуществленную книгу о русских лириках XIX в. должны были войти статьи и о других поэтах, с которыми Соловьев был хорошо знаком (Я.П. Полонский, А.А. Фет).

### *Поэт и философ: к истории взаимоотношений*

Об отношениях Соловьева и Случевского известно не так уж много. В 1990–2000-е гг. было потрачено много сил, чтобы по крупицам восстановить картину их взаимоотношений, основные вехи которых подробно описаны в книге «Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне»<sup>4</sup>. Ниже представим их предельно кратко.

Судя по всему, история дружеского общения поэта и философа укладывается в последние пять лет соловьевской жизни. Личное знакомство, по видимому, относится к середине 1895 г., когда по поручению Академии наук Соловьев писал отзыв о прозе Случевского, о сборнике «Исторические картинки. Разные рассказы» (1894 г.), выдвинутом на соискание Пушкинской премии Академии наук. Этот официальный отзыв опубликовали в Сборнике отделения русского языка и словесности Императорской академии наук в 1896 г.<sup>5</sup> Он достаточно «кислый» – проза Случевского Соловьеву явно не нравилась. И тем не менее в том же году философ, уже исключительно по личной инициативе, взялся писать другой текст о Случевском как поэте и завершил его осенью 1896 г. Текст был оза-

<sup>3</sup> См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступит. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. С. 118 (Сер. Большая Библиотека поэта) [3].

<sup>4</sup> См.: Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с. [4].

<sup>5</sup> См.: Соловьев В.С. Разбор книги г. К. Случевского «Исторические картинки. Разные рассказы» (Изд. 2-е, значительно дополненное, СПб., 1894) // Сборник Отд. рус. яз. и словесн., 1896. Т. LXIV, № 9. С. 72–97 [5].

главлен «Импрессионизм мысли» и напечатан в апрельском номере журнала «Cosmopolis» за 1897 г. Эту статью вполне можно рассматривать как апологию поэзии Случевского. «Случайные погрешности» не мешают Случевскому «обладать редким уже ныне достоинством настоящего поэта и быть одним из немногих еще остающихся достойных представителей “серебряного века” русской лирики», – утверждал Соловьев и ругал «невнимательных друзей», не указавших поэту на некоторые «досадные недосмотры» [6, с. 82–83]. Неудивительно, что вскоре он предложил Случевскому «свои посильные услуги», выразив в письме к поэту, датируемом приблизительно первой половиной 1897 г., готовность взять на себя редакторский труд по подготовке к изданию его избранных сочинений<sup>6</sup>. Такую готовность Соловьев объяснял тем, что, с одной стороны, ценит талант Случевского, а с другой – заботится и об интересах русской литературы. Это письмо Соловьева было впервые введено в научный оборот в 1970-е гг. Т.П. Мазур (1933–1989), сотрудницей Исторического музея, где хранится большая часть архива Случевского: письмо было включено в Приложение к ее диссертации о поэте «К.К. Случевский: Основные этапы творческой биографии» (1974 г.).

Об эволюции отношения Соловьева к Случевскому – от явного неприятия к признанию в нем продолжателя дела Фета и хранителя истинной поэзии – лучше всего свидетельствуют стихи самого Соловьева, обращенные к Случевскому, такие как стихотворение «Отзыв на “Песни из Уголка”», опубликованное в журнале «Книжки недели» в мартовском номере за 1898 г., и стихотворение «Ответ на “Плач Ярославны”», написанное 18 июня 1898 г. в имении С.П. Хитрово, в Пустыньке<sup>7</sup>. О вполне дружеских отношениях с Соловьевым свидетельствует и стихотворение Случевского «Влад. Серг. Соловьеву, перед отъездом его в Палестину», которое было найдено уже после выхода монографии о Случевском в Рукописном отделе Пушкинского Дома и опубликовано в 2001 г. в журнале «Новый мир»<sup>8</sup>.

Как следует из этого стихотворения, Случевский был в курсе соловьевских планов совершить второе путешествие в Египет и посетить не только Египет, но и Палестину. Это особенно примечательно, если учесть, что путешествие было неожиданным для родных Соловьева: Соловьев даже не успел заехать попрощаться с матерью. Отъезд Соловьев планировал на конец марта 1898 г., но и 1 апреля 1898 г. он все еще находился в Москве. Лишь в середине апреля в сопровождении Э.Л. Радлова он добрался до Каира, а поездка в Палестину так и не состоялась. Стихотворение Случевского создавалось накануне этого отъезда, причем его текст был обнаружен как раз на корректурном листке шмуцтитула, вышедшего в свет в апреле 1898 г. первого тома его «Сочинений», в подготовке которого, очевидно, принимал участие Соловьев.

<sup>6</sup> ГИМ. Ф. 359. Ед. хр. 129. Щ. 151/361.

<sup>7</sup> См.: Соловьев В.С. Стихотворения. Изд. 7-е. М.: Рус. книжник, 1921. С. 167 [7].

<sup>8</sup> См.: Тахо-Годи Е.А. «Зови знакомый облик мой...» // Новый мир. 2001. № 10. С. 169–170 [8].

По свидетельствам дочери Случевского, А.К. Случевской-Коростовец, в последние годы жизни Соловьев посещал ее отца на даче, называвшейся «Уголок» и расположенной на берегу Финского залива в Нарве-Йыэсуу, а в Петербурге бывал на заседаниях возникшего в октябре 1898 г. поэтического кружка К.К. Случевского<sup>9</sup>, что подтверждается записями и в «Альбоме Пятниц К.К. Случевского»<sup>10</sup>, и в дневниках Ф.Ф. Фидлера, одного из завсегдатаев «Пятниц»<sup>11</sup>.

В 1990–2000-е гг., говоря о Соловьеве и Случевском, внимание эстетике Соловьева уделялось меньше, главным образом на восстановление истории его взаимоотношений со Случевским, хотя в монографии биографическая составляющая и не была центральной<sup>12</sup>. Главная задача заключалась в другом – показать, как поэт, по своему стилю отнюдь не принадлежавший к пушкинской школе гармонической точности, всю жизнь пытался быть служителем пушкинской традиции, так как она для него ассоциировалась с верностью идеалам русской литературы и даже шире – с самой Россией и ее исторической судьбой. Пушкинский фон был далеко не выигрышным для «поэта противоречий» (недаром в названии монографии содержалась аллюзия на стихи Б.Ш. Окуджавы «На фоне Пушкина снимается семейство...»), но это был его не столько поэтический, сколько мировоззренческий выбор<sup>13</sup>. На эту пушкинскую тему в биографии и творчестве Случевского важно обратить внимание, потому что ниже нам еще предстоит вернуться к ней, хотя и совсем в ином ракурсе.

Теперь же представляется более важным понять не биографические, а философские корни соловьевской оценки лирики Случевского. Думается, что прояснение смысла вводимого понятия «импрессионизм мысли», вынесенного философом в название статьи о Случевском, должно помочь уточнить ее эстетическую концепцию. Для этого нужно разрешить вопрос: является ли как таковой «импрессионизм мысли» положительным или отрицательным явлением

<sup>9</sup> См.: Случевская-Коростовец А.К. Воспоминания об отце // Грани. 1959. № 42. С. 118–119 [9].

<sup>10</sup> Хранится в Рукописном отделе РНБ, издан С.В. Сапожковым, но, к сожалению, без воспроизведения всех рисунков (см.: Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–375 [10]).

<sup>11</sup> См.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / издание подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 307 [11].

<sup>12</sup> В последующие годы появились статьи, направленные на уяснение взаимосвязей Соловьева и Случевского на уровне поэтики (см.: Пильд Л.Л. Гейне в литературном диалоге К. Случевского и Вл. Соловьева // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Т.В. Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 156–164 [12]; Пильд Л.Л. Владимир Соловьев и Константин Случевский (из комментария к стихотворениям Вл. Соловьева) // Тыняновский сборник. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 148–161 [13]).

<sup>13</sup> К сожалению, это не всегда было принято в расчет рецензентами. Так, С.В. Сапожков считал, что мы рассматриваем Случевского исключительно как поэта, принадлежавшего пушкинской традиции (см.: Сапожков С.В. «Пушкинский фон» или «Пушкинизм без берегов»? [Рец. на]: Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000 // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 385–392 [14]).

с точки зрения Соловьева и что, собственно, он под ним подразумевает? Казалось бы, ответить на это достаточно просто, потому что Соловьев сам дает объяснение своей терминологии. Вот оно: «Мы не найдем у него простых художественных воспроизведений того или другого поразившего его явления из жизни природы или человека. Всякое даже самое ничтожное впечатление сейчас же переходит у него в размышление, дает свое отвлеченное умственное отражение и в нем как бы растворяется. Это свойство ... я назвал бы *импрессионизмом мысли*» [6, с. 77]. Однако было бы ошибкой ограничиться этим определением и рамками самой статьи, чтобы правильно истолковать слова Соловьева, а вместе с тем и то место, которое он отводил Случевскому как в поэзии «серебряного века» (под которой Соловьев подразумевал то, что мы сейчас называем «предсимволизмом» 1880–1890-х гг.), так и в задуманной философом книге о русских лириках всего XIX столетия. Для начала необходимо выяснить, каково было отношение мыслителя к «импрессионизму» как культурному явлению в целом.

### *Соловьев в кругу художников*

О живописи – ее месте в эстетике и ее связи с этикой – Соловьев писал немного (полемика с С.М. Волконским и статья «Что значит слово “живописность”?» 1897 г.). Видимо, поэтому до сих пор остается вне исследовательского внимания такая важная проблема, как отношение Соловьева к современным ему художникам и их произведениям, – философы и филологи предпочитают говорить об эстетике Соловьева отвлеченно, не вдаваясь в изучение реальных связей, несомненно влиявших и на соловьевскую эстетику. А эти реальные связи Соловьева с художественными кругами последней четверти XIX в. весьма примечательны.

Обращаясь к этой теме, пусть даже самым лаконичным образом, нелишне напомнить и о семейных традициях – о том, что сестра Соловьева, Поликсена, занималась в Училище живописи, ваяния и зодчества у И.М. Прянишникова и В.Д. Поленова. Очень хороший портрет молодой Соловьевой написал в 1885 г. Н.А. Ярошенко, ученик И.Н. Крамского. Впоследствии ее собственные рисунки и виньетки в сборниках вызывали похвалы И.Ф. Анненского и В.В. Розанова<sup>14</sup>. Но не только Поликсена Соловьева лично знала многих художников – и сам Соловьев общался с крупнейшими мастерами своего времени.

Соловьев позировал для портрета в 1885–1886 гг. И.Н. Крамскому, в 1891 г. – И.Е. Репину, в 1895 г. – Н.А. Ярошенко, представившему в том же 1895 г. на Передвижной выставке готовый портрет философа вместе с портретом Льва Толстого. Такое соседство было неслучайным: со Львом Толстым Соловьев

<sup>14</sup> См.: Дроздов М.С. Поликсена Сергеевна Соловьева, сестры Герцык, Крым // Крымский архив. 2015. № 2(17). С. 24–25 [15].

встречался в 1894 г. как раз у Н.А. Ярошенко, вместе с художником провожал Толстого на вокзал<sup>15</sup>. С Н.А. Ярошенко Соловьев дружил, был завсегдатаем его «суббот» на Сергиевской<sup>16</sup> и даже, по некоторым сведениям, приезжал в его дом в Кисловодске<sup>17</sup>. Среди посетителей «суббот» Н.А. Ярошенко – художники-передвижники: «из “старших” передвижников личным другом долгие годы был Куинджи, может быть, еще Шишкин, из “молодых” – Остроухов, Касаткин, Дубовской, Нестеров»<sup>18</sup>. Проводя «субботы» среди художников, Соловьев не мог не быть в курсе волновавших их эстетических вопросов. Нельзя исключить и его бесед с художниками во время сеансов портретирования. Их мнение об импрессионизме в той или иной мере могло подготовить почву, предопределить отношение философа к этому новейшему направлению в живописи его времени.

При этом, как очевидно, соловьевский круг общения – это передвижники, отношение которых к импрессионизму было двойственным, колебалось между восхищением и отрицанием. И.Е. Репин и И.Н. Крамской, побывав в середине 1870-х гг. во Франции, высоко оценивали новое направление. И.Н. Крамской в письме к П.М. Третьякову от 13–25 июля 1876 г. утверждал: «... несомненно, что будущее за ними»<sup>19</sup>, т.е. за импрессионистами. Однако, признавая, что современной живописи «непременно нужно двинуться к свету, краскам и воздуху», собственный путь в искусстве передвижники видели иначе. Они не хотели «растерять по дороге драгоценнейшее качество художника – сердце»<sup>20</sup>, ставили акцент не на форме, а на содержании. «Наша задача – содержание, – писал И.Е. Репин И.Н. Крамскому в середине 1870-х гг. – Лицо, душа человека, драма жизни, впечатления природы, ее жизнь и смысл, дух истории – вот наши темы, как мне кажется; краски у нас – орудие...» [18]. Комментируя этот диалог, искусствовед И.А. Доронченков пишет: «Искусство рассматривается передвижниками как форма выполнения общественной миссии, и эта миссия связана с говорением правды, с визуализацией подлинной русской жизни и предъявлением ее образованной публике на выставке. И в этом отношении оба художника прекрасно понимают, что нашедшая крайнее воплощение в импрессионизме тенденция к свету, воздуху, мгновенному видению действительности очень обаятельна и перед нами сейчас происходит очень благородный и достойный отказ от гедонистического соблазна красивой живописи как таковой в пользу живописи-средства, живописи-служения» [17, с. 124]. С точки зрения

<sup>15</sup> См.: Порудоминский В.И. Николай Ярошенко. М.: Искусство, 1979. С. 131–137 [16].

<sup>16</sup> Там же. С. 62.

<sup>17</sup> Там же. С. 101, 135. В 1885 году Ярошенко купил в Кисловодске дом, позднее названный «Беллой виллой». После отставки в 1892 г. художник окончательно туда переедет, и все участники ярошенковских «суббот» впоследствии периодически будут навещать в его уютно обустроенную усадьбу. Там он и умер в 1898 г.

<sup>18</sup> Там же. С. 61.

<sup>19</sup> Письмо к П.М. Третьякову от 13–25 июля 1876 г. (см: Крамской об искусстве / сост., авт. вступ. статьи Т.М. Коваленская. 2-е изд., доп. М.: Изобраз. искусство, 1988. С. 99 [17]).

<sup>20</sup> Там же. С. 124.

И.Н. Крамского, новое искусство мешало нормальному восприятию действительности: «Лежите вы на траве, кругом чаща лесная, вы лежите долго: вас как будто сон клонит, и в это время ваши глаза то видят предметы, то нет, краски в глазу начинают мелькать, мешаться, у вас, вместо леса, в мозгу начинаются галлюцинации, и такая выходит радуга и фантастическая чертовщина, что вы уже потеряли нормальное употребление Вашими чувствами» [17, с. 101]. Примечательно, что этот пассаж из письма И.Н. Крамского к В.В. Стасову от 21 июля 1876 г. неожиданно оказывается своего рода «квинтэссенцией» стихотворения Случевского «На кладбище», где именно созерцание окружающей природы в итоге приводит к фантазмагорической беседе с мертвецом. По мнению И.Н. Крамского, стремясь к «свету, краскам и воздуху», к чистым цветам спектра, сознательно избегая черного цвета, импрессионисты невольно утрачивали не только содержание, но и форму, пластику. Закономерно, что портреты Соловьева, выполненные И.Н. Крамским, И.Е. Репиным, Н.А. Ярошенко, диаметрально противоположны этой тенденции.

Свою роль в отношении Соловьева к импрессионизму могли сыграть вернисажи французского искусства на художественно-промышленных выставках 1891 г. и 1896 г. в Москве, вернее вызванная ими полемика. Так, в 1893 г. появилась статья «Гроза, надвигающаяся на русское искусство», где главный редактор газеты «Московские ведомости» В.А. Грингмут сопоставлял импрессионизм с социализмом и, в свою очередь, разоблачал художников этого направления за то, что у них «все предметы, явления, существа имеют лишь внешнюю оболочку, без всякого внутреннего содержания»<sup>21</sup>. На нее следует обратить особое внимание, потому что за два года до ее публикации, в 1891 г., в связи с прочитанным Соловьевым в Психологическом обществе 19 октября 1891 г. докладом «Об упадке средневекового мирозерцания» на страницах «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом была развернута настоящая травля, на которую философу пришлось отвечать письмами. В связи со статьей «Гроза, надвигающаяся на русское искусство» в полемику с В.А. Грингмутом вступил П.П. Гнедич, знакомый с Соловьевым с начала 1880-х гг.<sup>22</sup>, опубликовавший в 1894 г. в журнале «Артист» рассказ «Импрессионист», где, по мнению И.А. Доронченкова, вывел В.А. Грингмута в карикатурном образе старца Созонта<sup>23</sup>.

### *О причинах упадка в искусстве и литературе*

Доклад об упадке современного христианства в сравнении со средневековьем, за который в 1891 г. Соловьева корили на страницах «Московских ведомостей», на наш взгляд, теснейшим образом связан с полемикой, развернув-

<sup>21</sup> См.: Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России.

<sup>22</sup> См.: Гнедич П.П. Книга жизни: воспоминания. 1855–1918. Ленинград: Прибой, 1929. С. 214 [19].

<sup>23</sup> См.: Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России.

шейся за три года до того, в 1888 г., в связи со статьей Соловьева «Россия и Европа» («Вестник Европы», 1888 г., № 2) по поводу книги «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, где Соловьев говорил, в том числе, и об упадке русской литературы и русского искусства, идущих «по нисходящей линии»: «Чтобы иметь право допустить, что цветущая эпоха нашей литературы, продолжавшаяся около полустолетия (от “Евгения Онегина” до “Анны Карениной”), представляет лишь *зародыш* нашего будущего творчества, нужно выставить возрастающих талантов и гениев более значительных, нежели Пушкин, Гоголь или Толстой. Но наши новые литературные поколения, которые имели, однако, время проявить свои силы, не могли произвести ни одного писателя, хотя бы лишь приблизительно равного старым мастерам. То же самое должно сказать о музыке и об исторической живописи: Глинка и Иванов не имели преемников одинаковой с ними величины. Трудно, кажется, отрицать тот очевидный факт, что литература и искусство в России идут в последнее время по нисходящей линии (со стороны художественного достоинства) и что нет ничего обещающего нам, при данных условиях, новый эстетический расцвет» [20, с. 100–101].

Эти суждения Соловьева чрезвычайно возмутили одного из ведущих художественных критиков эпохи В.В. Стасова. В фельетоне «По поводу статьи Владимира Соловьева» («День», 1888 г., № 23, 21 февраля) он обвинил философа в полном незнании современного состояния дел в русском искусстве: «<...> подумаешь, что Влад. Соловьев точно будто бы где-то заснул в углу и ничего не знает и не слышит из того, что происходит в мире. Никакой внешний шум, голоса, движение не достигают до него, и он невозмутимо пребывает в своей Нирване» [21, с. 218; 22, с. 31–36].

Позиция Соловьева была обусловлена, конечно, отнюдь не «полным незнанием современного состояния дел в русском искусстве». Она отчасти совпадала с точкой зрения знакомых ему выдающихся русских художников с их стремлением к «содержанию» и «живописи-служению», хотя в понятие «содержание» Соловьев, конечно, вкладывал иной, не просто социальный, но религиозный смысл, как и в служение, которое оказывалось у него не чем иным, как теургией. Напомним слова И.Н. Крамского из письма к И.Е. Репину от 23 февраля 1874 г.: «<...> мысль, и одна мысль создает технику и возвышает ее. Оскудевает содержание, понижается и достоинство исполнения» [17, с. 124]. Примечательно, что строки из статьи Соловьева о Случевском: «На мой взгляд, произведения К.К. Случевского, как лирика, могут быть основательно разделены только на удачные и неудачные»<sup>24</sup>, перекликаются с письмом И.Н. Крамского от 16 июля 1886 г., адресованного как раз В.В. Стасову: «<...> я предпочел бы в интересах дела выбросить из Вашего лексикона слово “новое искусство” и заменить его словом “настоящее”, в отличие от фальшивого. Как только перестановка эта

<sup>24</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. Кн. 1–4: 1880–1890. С. 7.

произойдет, так сейчас же наступит и большая ясность понимания. Настоящее могло быть и сто лет назад, а фальшивое произрастать в 60-х годах» [17, с. 79].

Соловьев полагал, что в современную эпоху «ничто не обещает эстетического расцвета», что искусство лишилось своей «подлинности», именно потому, что оно забыло о главном – о неземном, мистическом статусе красоты, о том, что «красота просветляет все существующее», что «этот ее свет есть вечная истина», что «просветляя все, что есть, чистая красота оставляет за всем его собственное существенное качество, и, следовательно, если искусство служит чистой красоте, то оно должно брать все существующее в его истине»<sup>25</sup>. Конечно, «всякое понятие, хотя бы и присущее потенциально человеческому разуму и в этом смысле врожденное, для своего перехода в *действительное* сознание требует известных осязательных впечатлений или восприятий, которые вызывают это потенциальное понятие к проявлению и дают ему его живую, конкретную форму, подвергающуюся затем дальнейшему умственному процессу расширения и углубления, осложнения и очищения»<sup>26</sup>. Такой умственный процесс очищения, постижения конкретных осязательных впечатлений особенно очевиден в словесном искусстве, потому что «высшая задача словесной деятельности уже предопределена в самой природе слов, которые неизбежно представляют общие и пребывающие понятия, а не отдельные и преходящие впечатления, и следовательно, уже сами по себе будучи связью многого воедино, наводят нас на разумение всемирного смысла»<sup>27</sup>. По Соловьеву, «в минуты настоящего поэтического вдохновения» поэт, естественно, забывает о законах практической жизни или отвлеченной науки, но, отдаваясь «непосредственным впечатлениям природной красоты», он все равно должен следовать объективной истине, так как «чистый поэт имеет своим предметом чистую красоту и – ничего более; а красота сама по себе, по самому существу своему, по внутренней природе своей, есть *осязательная* форма истины и добра»<sup>28</sup>. Соловьев использует эту формулировку («красота есть только *осязательная форма добра и истины*») и в статье «Судьба Пушкина», многозначительно добавляя, что «если бы Пушкин жил в средние века, то, достигнув этого понимания, он мог бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художническое призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно»<sup>29</sup>.

<sup>25</sup> См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 325 [23].

<sup>26</sup> См.: Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: 1894–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 108 [24].

<sup>27</sup> См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 26 [25].

<sup>28</sup> См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 325.

<sup>29</sup> См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 43 [26].

Для Соловьева отделить красоту от истины и добра – значит лишить ее «ее собственного внутреннего содержания»<sup>30</sup>. Вот почему, по его мнению, «пришлось бы отказаться от поэзии как от обмана», если принять «отрицательную точку зрения» на мир таких «поэтов разочарования», как Боратынский и Лермонтов<sup>31</sup>. Если у Боратынского, по Соловьеву, разочарование имело хотя «некоторую видимость объективных оснований», потому что поэт «принял материалистические обобщения некоторых научных данных за непреложную истину и, видя противоречие этой “истины” с поэтическим и религиозным воззрением на мир и жизнь, решил, что это воззрение есть иллюзия»<sup>32</sup>, то у Лермонтова он таковых оснований не находил. С позиций соловьевской диалектики, «разочарованная поэзия явилась не даром», «отрицательный момент необходим, ненормальна и бессмысленна только остановка на нем, т. е. *удовлетворение своею неудовлетворенностью*»<sup>33</sup>. Однако после поры «субъективного отрицания» уже нельзя было «просто вернуться к прежней художественной непосредственности, к органическому творчеству Пушкина»<sup>34</sup>.

Для Соловьева принципиально важно, что русская поэзия доказала свою жизненность, не остановившись на разочарованности, явив «поэтов положительной мысли, сознательно понимавших значение красоты в Мире, примирявших ум с творчеством и оправдывавшие поэзию, как выражение истины»<sup>35</sup>. Этот третий тип Соловьев называет «*поэзией гармонической мысли*» и относит к нему Тютчева и А.К. Толстого<sup>36</sup>. По Соловьеву, «Пушкин как бы предоставил» Тютчеву «раскрытие поэтического смысла природной жизни», а Фету как одному из главных птенцов своего «“лебединого” гнезда» – лирическую живопись явлений природной жизни. В Тютчеве ему особенно дорого то, что «он не только чувствовал, а и *мыслил, как поэт*, – что он был *убежден* в объективной истине поэтического воззрения на природу»<sup>37</sup>, на окружавший его мир. В лирике А.К.Толстого – то, что поэт к этой «умственной основе» привнес «элемент *деятельной воли и борьбы*»<sup>38</sup>, т. е. волевое устремление к красоте и истине.

Такая диалектика русской поэзии в статьях Соловьева 1890-х гг. во многом восходит к его ранней работе «Философские начала цельного знания» (1877 г.), где философ утверждал, что «значение положительных начал для этой жизни могут иметь: только такое чувство, которое стремится закрепить

<sup>30</sup> См.: Соловьев. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 325.

<sup>31</sup> См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 139 [27].

<sup>32</sup> См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 139.

<sup>33</sup> Там же. С. 140.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Там же. С. 140.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> См.: Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 119–120 [28].

<sup>38</sup> См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 140.

свое непосредственное состояние объективным его выражением, только такое мышление, которое стремится к определенному предметному содержанию, только такая воля, которая имеет в виду определенные общие цели; другими словами – чувство, имеющее своим предметом *объективную красоту*, мышление, имеющее своим предметом *объективную истину* (следовательно, мышление познающее, или знание), и воля, имеющая своим предметом *объективное благо*» [29, с. 257]. Уже в этой работе Соловьев, вычлняя три типа истинности («истинность материальную, фактическую», «истинность формальную, логическую» и «истинность абсолютную»), подчеркивал недостаточность «материальных фактических знаний», так как свидетельства чувств «могут быть иллюзией», обманом, отмечал, что «настоящая истина должна определяться независимым от внешней реальности и от нашего разума абсолютным первоначалом всего существующего», что обуславливает невозможность базироваться на «чисто субъективном чувстве, отдельной мысли или фантазии»<sup>39</sup>. Творчество, по Соловьеву, это отнюдь не субъективное, личное проявление чувства, но, напротив, это чувство, получившее «общее объективное выражение»<sup>40</sup>. Четыре вида изящных искусств – ваяние, живопись, музыка и поэзия – есть «постепенное восхождение от материи к духовности»: «живопись уже более идеальна», нежели ваяние, «еще более духовный характер имеет музыка» и, «наконец, поэзия (в тесном смысле этого термина) находит свое выражение только в духовном элементе человеческого слова»<sup>41</sup>. Но, по Соловьеву, «красота художественных образов не есть еще полная, всецелая красота», потому что в «абсолютной красоте содержание должно быть столь же определенным, необходимым и вечным, как и форма», что возможно «только в идеальном мире ..., мире сверхприродном и сверхчеловеческом»<sup>42</sup>. В земном мире эта истинная красота доступна лишь в своих отражениях. В древности существовал синтез искусств – поэзии, музыки, живописи, ваяния и даже зодчества, так как «все они служат одной иерархической цели, то есть подчинены и даже слиты с мистикой»<sup>43</sup> так же, как и в средние века, где «свободного художества не существует; все подчинено мистике»<sup>44</sup>. Отказ от устремлений к абсолютной истине и абсолютной красоте приводит, по Соловьеву, к упадку искусства, который начинается в эпоху Возрождения, а к концу XIX столетия проявляется господством «технического искусства, чисто реального и утилитарного»<sup>45</sup>. Вот почему Соловьев с сожалением констатировал, что «искусство для искусства, то есть для красоты, так же чуждо нашему веку, как и мистическое творчество»<sup>46</sup>.

<sup>39</sup> См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 260.

<sup>40</sup> Там же. С. 262.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> Там же. С. 262–263.

<sup>43</sup> Там же. С. 267

<sup>44</sup> Там же. С. 279.

<sup>45</sup> Там же. С. 280.

<sup>46</sup> Там же.

*Импрессионизм и гносеология*

На первый взгляд, может возникнуть ощущение, что мы слишком далеко ушли от основной темы – от интерпретации термина «импрессионизм мысли», вынесенного Соловьевым в заглавие его статьи о лирике Случевского. Однако это не так, ибо невозможно правильно истолковать мысль Соловьева, взяв изолированно один его текст. Давайте посмотрим сначала: в какие поэтические координаты вписывает философ Случевского?

«При всем различии между двумя поэтами» некоторые «удачные образчики мыслей-импрессий» Случевского позволяют ему провести параллели со стихами Тютчева, то есть с истинным поэтом гармонической мысли. Другие тексты, «замечательные по силе стиха», – с Лермонтовым («От таких стихов не отказался бы и Лермонтов»<sup>47</sup>), то есть с поэтом-отрицателем. Если учтем черновой набросок соловьевского стихотворения «Ответ на “Плач Ярославны”» (1898 г.), то появится еще одна координата: тут Случевский сопряжен с Фетом («Звучит загробный голос Фета, / И жив Случевский Константин»<sup>48</sup>), то есть оказывается продолжателем дела поэта, способного к «лирической живописи» явлений «природной жизни»<sup>49</sup>. Таким образом, место Случевского на соловьевской карте русской поэзии – между двумя представителями пушкинского «“лебединого” гнезда» (Тютчев и Фет) и лермонтовской поэзией отрицания, рефлексии и претензий авторского «я» на роль «сверхчеловека», что было для Соловьева неприемлемо, так как, по его убеждению, единственным сверхчеловеком был Христос. Неслучайно в статье о Лермонтове он скажет: «... всякое заблуждение, о котором стоить говорить, – содержит в себе несомненную истину, которой оно есть лишь более или менее глубокое искажение. <...> Поэтому, первое дело разумной критики относительно какого-нибудь заблуждения – найти ту истину, которую оно держится и которую оно извращает» [30, с. 348]. По Соловьеву, сказать, что «гениальность обязывает к смирению», равнозначно «сказать, что гениальность обязывает становиться сверхчеловеком»<sup>50</sup>. Этим объясняется его восхищение пушкинским «Пророком»: «... поэт в одежде пророка, созданный вдохновением и с внутреннею, свободною необходимостью раскрывающий полноту своего смысла», «есть их существенная норма, без которой они [все поэты] не имели бы смысла»<sup>51</sup>; «Пусть ни один поэт не провел в себе самом до конца того, что требует полный и могучий идеал поэтического призвания. Но этот идеал есть норма», «высшая норма»<sup>52</sup>.

<sup>47</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 81.

<sup>48</sup> См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 267.

<sup>49</sup> См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 304.

<sup>50</sup> См.: Соловьев В.С. Лермонтов // Соловьев В.С. Собр. соч. С. 363.

<sup>51</sup> См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 329.

<sup>52</sup> Там же. С. 330.

Сопоставляя Случевского с Лермонтовым, Соловьев имел в виду не предвестия нищестанства. Подтверждением служит то, что сопоставление с Лермонтовым возникает в связи с оценкой строк из стихотворения Случевского как «замечательных по силе стиха». Для Соловьева «первая и основная особенность Лермонтовского гения – страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем я, страшная сила личного чувства»<sup>53</sup>, «одинокость и пустыньность напряженной и в себе сосредоточенной личной силы, не находящей себе достаточного удовлетворяющего ее применения»<sup>54</sup>. Это «сильнейшее развитие личного начала», по Соловьеву, «есть условие для наибольшей сознательности жизненного содержания», но «это содержание жизни» не дается само собой, в результате чего «при его отсутствии сильное я остается пустым»<sup>55</sup>. Благодаря тому, что Лермонтов «был поэт Высшей милостью, и, следовательно, все им переживаемое превращалось в создания поэзии, давая новую пищу его я», это «колоссальное я Лермонтова» не могло «оставаться совершенно пустым»<sup>56</sup>. В итоге лермонтовским стихам, особенно любовным, присуща «особенная прелесть ... – прелесть оптическая, прелесть миража»<sup>57</sup>, потому что «такая формальная любовь могла быть лишь рамкой, а не содержанием его я, которое оставалось одиноким и пустым». «Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных», соблазняя и других поэтов на этот «ложный путь»<sup>58</sup>.

Как очевидно, Соловьев здесь снова ведет речь о несоответствии формы и содержания. Такое несоответствие философ находит не только у Лермонтова, но и у Случевского. У последнего это вызвано не особой, присущей Лермонтову сосредоточенностью на своем одиоком «я», а недостатком «критической рефлексии»<sup>59</sup>, мешающим различать достойное поэзии (вечное, истину) от «сора» (минутного, случайного, то есть «ложных мыслей и чувств»). Случевский, по Соловьеву, «есть впечатлительнейший из поэтов», но в его стихах нет «простых художественных воспроизведений того или другого поразившего его явления из жизни природы или человека», так как «даже самое ничтожное впечатление сейчас же переходит у него в размышление, дает свое отвлеченное умственное отражение и в нем как бы растворяется», причем «немедленно обобщая» любые впечатления «в форме рефлексии, мысль поэта не останавливается на предварительной эстетической оценке этих впечатлений»<sup>60</sup>. Именно этим объясняет Соловьев «чрезвычайную неровность и случайность его произ-

<sup>53</sup> См.: Соловьев В.С. Лермонтов // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. С. 353.

<sup>54</sup> Там же. С. 355–356.

<sup>55</sup> Там же. С. 354.

<sup>56</sup> Там же.

<sup>57</sup> Там же.

<sup>58</sup> Там же. С. 366.

<sup>59</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 77.

<sup>60</sup> Там же.

ведений: если впечатление имело настоящую эстетическую ценность, если в нем был элемент красоты, его прямое отражение в мысли автора дает истинно поэтические произведения, если же нет, то выходят вещи в лучшем случае странные, или причудливые»<sup>61</sup>. Соловьев убежден, что «впечатление впечатлению рознь» и что только когда в мгновенном впечатлении перед взором поэта «прямо открывается и выступает вечное», тогда он может написать «глубокое и трогательное по содержанию стихотворение»<sup>62</sup>, приблизившись к представителям пушкинского «“лебединого” гнезда» – к Тютчеву и Фету, гармонично синтезируя чувство и мысль с «лирической живописью» и верой в объективную истину поэтического воззрения на мир. В противном случае «чистое сознание факта ... не заключает еще само по себе никакого свидетельства и никакого ручательства насчет собственного бытия ... предмета: он может оказаться оптическим фокусом, или галлюцинацией», так как «известные определенные признаки зрительного очертания, положения и т.д., *одинаковые* при сновидении, при галлюцинации, при оптическом фокусе и при нормальном восприятии», так как предмет остается предметом, «вижу ли я его во сне или наяву, в зеркале, или прямо перед собою»<sup>63</sup>. «Зеркальность» сознания, готового отразить и увековечить в поэтическом творчестве любой попавший в «зеркало» мысли предмет, порождает лишь «прелесть миража» – отсутствие сознательной ориентации на абсолютную истину и абсолютную красоту приводит к оптическому фокусу облечения «в красоту формы» ложного содержания, «ложных мыслей и чувств». Возникает, «с одной стороны, самодостовверная, но совершенно пустая форма сознания, а с другой стороны – обильное, но призрачное его содержание»<sup>64</sup>. Существующая «пустота безусловной формы» всегда ставит вопрос о поиске ее наполнения, при этом если «есть хотение, стремление, искание познать истину, следовательно, она уже известна, ибо неизвестного нельзя и желать», – дело лишь в различии «между известностью истины как *понятия* и знанием *самой* истины»<sup>65</sup>. Чтобы «рассеянную форму» отрешить «от несоответствующего ей условного содержания, оставляющего ее саму по себе бессодержательною», нужно «из безразличного понятия превратить ее в живой *замысел*»<sup>66</sup>, потому что «всякий замысел есть начало живого движения, оплодотворяющее всякую мысленную материю»<sup>67</sup> путем «познания истины по существу»<sup>68</sup>. Это познание требует волевого усилия (напомним характеристику, данную Соловьевым А.К. Толстому как поэту воли и действия), потому что

---

<sup>61</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 77–78.

<sup>62</sup> Там же. С. 81.

<sup>63</sup> См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 104 [31].

<sup>64</sup> Там же. С. 123.

<sup>65</sup> Там же. С. 152.

<sup>66</sup> Там же. С. 153.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> Там же. С. 155.

решимость (воля) «является действительным началом движения и превращает мышление в становящейся разум истины»<sup>69</sup>, когда познающий субъект «определяется не в своей материальной пестроте и не в своей формальной пустоте, а в своем безусловном содержании»<sup>70</sup>. Соловьев резюмирует: «Как живая форма истины, он [познающий] должен быть занят не собою, а своим безусловным будущим содержанием; становясь разумом истины, он должен определяться не в себе, а в определениях своего безусловного предмета. Он должен обращаться не вокруг себя, а вокруг своего подлинного средоточия, *качествовать* не в себя, а в истину, и затем уже из этого своего запечатленного истиною, в ее цвета окрашенного качества – не как *своего*, а как *истинного* начала, исходить для дальнейшего и полнейшего познания» [31, с. 165].

Эти рассуждения из соловьевского незавершенного трактата «Теоретическая философия» (1897–1899 гг.) теснейшим образом связаны в его философской системе с учением о Богочеловечестве: «<...> истинное человечество, как всемирная форма соединения материальной природы с божеством, или форма восприятия божества природою, есть по необходимости Богочеловечество и Богоматерия. Оно не может быть просто человечеством, так как это значило бы быть воспринимающим без воспринимаемого, формою без содержания, или пустою формой. Великое Существо не есть пустая форма, а всеобъемлющая богочеловеческая полнота духовно-телесной, божественно-творной жизни, открывшейся нам в христианстве» [32, с. 189]. Но их необходимо учесть и при интерпретации его литературно-критических статей, в том числе статьи о Случевском, потому что опубликованная в 1897 г. статья о Случевском писалась на фоне этих сугубо философских, гносеологических раздумий о путях постижения истины и обретения познающим субъектом истинного знания. Недаром в ней Соловьев подчеркивает, что лишь прозревая вечное, Случевский может создать стихотворение «глубокое и трогательное по содержанию», «оставаясь импрессионистом по форме своего творчества»<sup>71</sup>, а по Соловьеву, «импрессионизм мысли не призван обращать в стихи сильные, глубокие и длительные чувства»<sup>72</sup>, так же как и глубокие, вечные идеи.

Импрессионизм, судя по всему, рассматривался Соловьевым как попытка современного «технического» искусства в безразличной к содержанию форме передать с формальной разумностью хаос материальной пестроты эмпирической действительности. Если наши выкладки правильны, то такое понимание импрессионизма Соловьевым вполне вписывается в отечественную традицию, когда в России начала XX в. художник-импрессионист воспринимался почти как «механическая машина, отражающая нюансы впечатлений», а импрессионизм в целом, «даже симпатизирующими ему критиками и художниками, – как

<sup>69</sup> См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия. С. 165.

<sup>70</sup> Там же. С. 166.

<sup>71</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 81.

<sup>72</sup> Там же. С. 80.

нечто, что дает нам, прежде всего, аналитическую, а не синтетическую картину мира, что показывает оболочку, что не может сложиться в целостную картину, несущую в себе некий возвышенный смысл»<sup>73</sup>. Такое «техническое» искусство не удовлетворяло Соловьева не только с эстетической, но и с религиозной точки зрения – как христианина. У него самого мы не найдем прямых высказываний на этот счет, но гипотетически можно предположить, что он вполне мог разделять суждения об импрессионизме другого философа – своего современника и друга С.Н. Трубецкого, который в «Публичной лекции, читанной в Историческом музее в пользу Московского Психологического Общества» (первые опубликована в 1898 г. в «Русской Мысли»), характеризуя «субъективный импрессионизм» Э. Ренана, указывал, что из-за него «философия превращается в какую-то мечтательную игру ума, в погоню за красивыми умственными впечатлениями, мораль и религия – в погоню за нравственными впечатлениями, историческая наука – в воспроизведение красивых и характерных форм»<sup>74</sup>. Причем это не просто «пищанная форма, в которой он [Ренан] выражает свой философский и нравственный скептицизм», – это «типичное, знаменательное явление нашего времени»<sup>75</sup>. Для С.Н. Трубецкого импрессионизм – это «принципиальный, универсальный дилетантизм», заключающийся в «ложной мерке в самом искусстве, в оценке художественных произведений»: «Только дилетант гоняется за ощущением, за остротой впечатления, которую он старается увеличить внешними эффектами; более художественной красоты он ценит то ощущение наслаждения, которое оно доставляет; более цветка он дорожит запахом цветка и полагает свою задачу в том, чтоб усилить искусственно пряность этого запаха. Для истинного художника самая красота не есть греза, она имеет для него объективное значение, и он слишком уважает ее, чтобы думать о наслаждении и о чувственном ее эффекте; она есть для него высшая идеальная правда. В лучах этой правды он видит действительность, даже отрицательную, и он показывает всем, что он видит и слышит, ибо тот образ, который овладевает им, настолько реален и полон внутреннего значения, что требует объективного выражения. Дилетантизм в наши дни губит самое искусство и ведет его к извращению и упадку – к импрессионизму декадентов» [33, с. 315].

В 1899 г. на страницах журнала «Мир искусства» А. Бенуа писал, что еще недавно «слово “импрессионизм” было бранным и сказать про художника, что он импрессионист, это было выставить его как шарлатана или неуча» [18]. Однако С.Н. Трубецкой явно вкладывает в понятия «импрессионизм» и дилетантизм иной смысл – не настоящее искусство, не подлинный носитель истины.

<sup>73</sup> См.: Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России.

<sup>74</sup> См.: Трубецкой С.Н. Ренан и его философия // Трубецкой С.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. С. 315 [33].

<sup>75</sup> Там же. С. 316.

Вера Соловьева в существование объективной, абсолютной красоты, являющейся ощутительной формой истины, «идеальной правды», не только объединяла его с С.Н. Трубецким, но и позволяла ему подвести философские основания под его интерпретацию лирики Случевского как одного из болезненных проявлений современной эпохи, дающего о себе знать и в живописи, и в поэзии, и в философии и заключающегося, прежде всего, в ложных волевых установках познающего субъекта. Эти недостатки, типичные для всей эпохи, по мнению Соловьева, «не мешают ему [Случевскому] обладать редким уже ныне достоинством настоящего поэта»<sup>76</sup>, видимо, потому, что для Соловьева существенно устремление Случевского к познанию неуловимого, к уловлению «тайных обликов»<sup>77</sup>, то есть мистической первоосновы бытия, – как в человеческой душе, так и в мире в целом<sup>78</sup>. Именно это и делает его в глазах Соловьева «настоящим поэтом», «одним из немногих еще остающихся достойных представителей “серебряного века” русской лирики»<sup>79</sup>, несмотря на присущую ему как человеку своей эпохи типичную гносеологическую ошибку – «погоню за красивыми умственными впечатлениями», «импрессионизм мысли», ведущий не просто к «диссонансам», но к упадку, а значит, в равной степени губительный и для поэзии, и для живописи, и для философии, и для религиозного мирозерцания.

#### Список литературы

1. Брюсов В.Я. Поэт противоречий // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии. Далекие и близкие. М.: Худож. лит., 1973. С. 231–234.
2. Стендаль Ф. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазии // Стендаль Ф. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8. М.: Правда, 1939. С. 5–58.
3. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. 351 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
4. Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.

<sup>76</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 83.

<sup>77</sup> Там же. С. 82.

<sup>78</sup> Знаменательно, что при обсуждении первой из трех соловьевских статей, составляющих «Теоретическую философию», у В.Я. Брюсова возникнет аллюзия на стихи Случевского, которые он мог слышать в устном исполнении автора. В.Я. Брюсов писал своему корреспонденту: «“Корень нашего бытия есть тайна”. Может быть. Если нельзя ее “живописать словами”, я хочу ее чувствовать, – а слова могут мне указать путь к этому» (см.: Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / отв. ред. Н.А. Трифонова. М.: Наука, 1991. С. 392 [34]. Об обсуждении статьи Соловьева Брюсовым подробнее см.: Юрганов А.Л. К спорам о статье Владимира Соловьева «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11(44). С. 101–110 [35]). Ср. у Случевского: «Но как живописать, чего, как будто, нет, / Нет в осязании и даже нет в видении?» (см.: Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 427 (Сер. Новая Библиотека поэта) [36]).

<sup>79</sup> См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 83.

5. Соловьёв В.С. Разбор книги г. К. Случевского «Исторические картинки. Разные рассказы». (Изд. 2-е, значительно дополненное, СПб., 1894) // Сборник Отд. рус. яз. и словесн. 1896. Т. LXIV, № 9. С. 72–97.
6. Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. Кн. 1–4: 1880–1890 // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. С. 77–83.
7. Соловьёв В.С. Стихотворения. Изд. 7-е. М.: Рус. книжник, 1921. 368 с.
8. Тахо-Годи Е.А. «Зови знакомый облик мой...» // Новый мир. 2001. № 10. С. 169–170.
9. Случевская-Коростовец А.К. Воспоминания об отце // Грани. 1959. № 42. С. 117–123.
10. Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–375.
11. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
12. Пильд Л.Л. Гейне в литературном диалоге К. Случевского и Вл. Соловьёва // «На меже меж Голосом и Эхом»: сб. ст. в честь Т.В. Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 156–164.
13. Пильд Л.Л. Владимир Соловьёв и Константин Случевский (из комментария к стихотворениям Вл. Соловьёва) // Тыняновский сборник. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 148–161.
14. Сапожков С.В. «Пушкинский фон» или «Пушкинизм без берегов»? [Рец. на]: Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000 // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 385–392.
15. Дроздов М.С. Поликсена Сергеевна Соловьёва, сестры Герцык, Крым // Крымский архив. 2015. № 2(17). С. 24–33.
16. Порудоминский В.И. Николай Ярошенко. М.: Искусство, 1979. 197 с.
17. Крамской об искусстве / сост., авт. вступ. статьи Т.М. Коваленская. 2-е изд., доп. М.: Изобраз. искусство, 1988. 176 с.
18. Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России. Лекция 1: Почему русские боялись импрессионизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1445>
19. Гнедич П.П. Книга жизни: воспоминания. 1855–1918. Ленинград: Прибой, 1929. 371 с.
20. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1883–1888 // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: 1883–1892. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 1–153.
21. Стасов В.В. По поводу статьи В.С. Соловьёва // Стасов В.В. Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. Т. 2. М.: Искусство, 1954. С. 215–218.
22. Луконин Д.Е. «Каждую русскую нотку ценить на вес золота...»: страницы спора о книге Н.Я. Данилевского // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 31–36.
23. Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 294–347.
24. Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: 1894–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. 722 с.
25. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 3–60.
26. Соловьёв В.С. Судьба Пушкина // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 33–60.
27. Соловьёв В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 135–158.
28. Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 117–134.

29. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1: 1873–1877. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911. С. 250–406.
30. Соловьёв В.С. Лермонтов // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 348–367.
31. Соловьёв В.С. Теоретическая философия // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 89–166.
32. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 172–193.
33. Трубецкой С.Н. Ренан и его философия // Трубецкой С.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. С. 287–328.
34. Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / отв. ред. Н.А. Трифонова. М.: Наука, 1991. 831 с.
35. Юрганов А.Л. К спорам о статье Владимира Соловьёва «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11(44). С. 101–110.
36. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / вступл. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 427 (Сер. Новая Библиотека поэта). 816 с.

## References

### (Sources)

#### Collected works

1. Bryusov, V.Ya. Poet protivorechiy [The Poet of Contradictions], in Bryusov, V.Ya. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 6: Stat'i i retsenzii. Dalekie i blizkie* [Collected Works in 7 vols., vol. 6: Articles and Reviews. Far and Near]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973, pp. 231–234.
2. Sluchevskiy, K.K. *Stikhotvoreniya i poemys* [Poems and Verses]. Saint-Petersburg: Akademicheskiiy proekt, 2004. 816 p.
3. Solov'ev, V.S. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The Meaning of Poetry in Pushkin's Verse], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 294–347.
4. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra [The Justification of the Good], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 8: 1894–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 8: 1894–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914. 722 p.
5. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 3–60.
6. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina [Pushkin's Fate], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 33–60.
7. Solov'ev, V.S. Poeziya gr. A.K. Tolstogo [The Poetry of Count A.K. Tolstoy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 135–158.
8. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [The Poetry of F.I. Tyutchev], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 117–134.
9. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical Principles of Integral Knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 1: 1873–1877* [Collected Works in

10 vols., vol. 1: 1873–1877]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911, pp. 250–406.

10. Solov'ev, V.S. Lermontov [Lermontov], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 348–367.

11. Solov'ev, V.S. Teoreticheskaya filosofiya [Theoretical Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 89–166.

12. Solov'ev, V.S. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [The Idea of Humanity in Auguste Comte], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 172–193.

13. Solov'ev, V.S. Impressionizm mysli: Stikhotvoreniya K. Sluchevskogo. Kn. 1–4: 1880–1890 [Impressionism of Thought: Poems by K. Sluchevsky. Books 1–4: 1880–1890], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 77–83.

14. Solov'ev, V.S. Natsional'nyy vopros v Rossii. Vyp. 1. 1883–1888 [The National Question in Russia. Issue 1. 1883–1888], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 5: 1883–1892* [Collected Works in 10 vols., vol. 5: 1883–1892]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1912], pp. 1–153.

15. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Russkiy knizhnik, 1921. 368 p.

16. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoe otделение, 1974. 351 p.

17. Stasov, V.V. Po povodu stat'i V.S. Solov'eva [Regarding V.S. Solovyov's Article], in Stasov, V.V. *Stat'i i zametki, ne voshedshie v sobraniya sochineniy. T. 2* [Articles and Notes Not Included in Collected Works. Vol. 2]. Moscow: Iskustvo, 1954, pp. 215–218.

18. Stendal', F. Zhizneopisaniya Gaydna, Motsarta i Metastazio [Biographies of Haydn, Mozart and Metastasio], in Stendal', F. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 8* [Collected Works in 15 vols., vol. 8]. Moscow: Pravda, 1939, pp. 5–58.

19. Trubetskoy, S.N. Renan i ego filosofiya [Renan and His Philosophy], in Trubetskoy, S.N. *Sobranie sochineniy v 6 t., t. 1: Publitsisticheskie stat'i, napechatannye s 1896 g. po 1905 g. vkhlyuchitel'no* [Collected Works in 6 vol., vol. 1: Journalistic Articles Published from 1896 to 1905 Inclusive]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1907, pp. 287–328.

### (Articles from Scientific Journals)

20. Drozdov, M.S. Poliksena Sergeevna Solov'eva, sestry Gertsyuk, Krym [Polixena Sergeevna Solovyova, the Gerczyk Sisters, Crimea], in *Krymskiy arkhiv*, 2015, no. 2(17), pp. 24–33.

21. Lukonin, D.E. «Kazhduyu russkuyu notku tsenit' na ves zolota...»: stranitsy spora o knige N.Ya. Danilevskogo ["To Value Every Russian Note as Pure Gold...": Pages from the Debate About N.Ya. Danilevsky's Book], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2010, vol. 10, issue 1, pp. 31–36.

22. Sapozhkov, S.V. «Pyatnitsy» K.K. Sluchevskogo (po novym materialam) ["Fridays" by K.K. Sluchevsky (Based on New Materials)], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 18, pp. 232–375.

23. Sapozhkov, S.V. «Pushkinskiy fon» ili «Pushkinizm bez beregov»? / [Rets. na]: Takho-Godi E. Konstantin Sluchevskiy: portret na pushkinskom fone. Spb., 2000 ["Pushkin Background" or "Pushkinism Without Shores"? / [Review of]: Takho-Godi E. Konstantin Sluchevsky: Portrait Against Pushkin's Background. St. Petersburg, 2000], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000, no. 6, pp. 385–392.

24. Sluchevskaya-Korostovets, A.K. Vospominaniya ob ottse [Memories of My Father], in *Grani*, 1959, no. 42, pp. 117–123.

25. Solov'ev, V.S. Razbor knigi g. K. Sluchevskogo «Istoricheskie kartinki. Raznye rasskazy». (Izd. 2-e, znachitel'no dopolnennoe, SPb., 1894) [Review of Mr. K. Sluchevsky's Book "Historical Pictures. Various Stories" (2nd ed., significantly expanded, St. Petersburg, 1894)], in *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*, 1896, vol. LXIV, no. 9, pp. 72–97.

26. Takho-Godi, E.A. «Zovi znakomyy oblik moy...» ["Call My Familiar Image..."], in *Novyy mir*, 2001, no. 10, pp. 169–170.

27. Yurganov, A.L. K sporam o stat'e Vladimira Solov'eva «Pervoe nachalo teoreticheskoy filosofii»: Valeriy Bryusov i Mikhail Samygin [On the Debates About Vladimir Solovyov's Article "The First Principle of Theoretical Philosophy": Valery Bryusov and Mikhail Samygin], in *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2018, no. 11(44), pp. 101–110.

### (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

28. Pil'd, L.L. Geyne v literaturnom dialoge K. Sluchevskogo i Vl. Solov'eva [Heine in the Literary Dialogue Between K. Sluchevsky and Vl. Solovyov], in «*Na mezhe mezh Golosom i Ekhom*»: *sbornik statey v chest' T.V. Tsiv'yan* ["On the Border Between Voice and Echo": Collection of Articles in Honor of T.V. Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007, pp. 156–164.

29. Pil'd, L.L. Vladimir Solov'ev i Konstantin Sluchevskiy (iz kommentariya k stikhotvoreniyam Vl. Solov'eva) [Vladimir Solovyov and Konstantin Sluchevsky (From the Commentary to Vl. Solovyov's Poems)], in *Tynyanovskiy sbornik. Vyp. 13. XII–XIII–XIV Tynyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy* [Tynyanov Collection. Issue 13. XII–XIII–XIV Tynyanov Readings. Research. Materials]. Moscow: Vodoley, 2009, pp. 148–161.

30. Trifonova, N.A. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98: Valeriy Bryusov i ego korrespondenty. Kn. 1* [Literary Heritage. Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents. Book 1]. Moscow: Nauka, 1991. 831 p.

### (Monographs)

31. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* [From the World of Writers: Characters and Judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 864 p.

32. Gnedich, P.P. *Kniga zhizni: vospominaniya. 1855–1918* [The Book of Life: Memories. 1855–1918]. Leningrad: Priboy, 1929. 371 p.

33. Kovalenskaya, T.M. *Kramskoy ob iskusstve* [Kramskoy about art]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988. 176 p.

34. Porudominskiy, V.I. *Nikolay Yaroshenko* [Nikolay Yaroshenko]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 197 p.

35. Takho-Godi, E.A. *Konstantin Sluchevskiy: Portret na pushkinskom fone* [Konstantin Sluchevsky: Portrait on Pushkin's background background]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2000. 400 p.

### (Electronic Resources)

36. Doronchenkov, I.A. *Priklucheniya Mone, Matissa i Pikasso v Rossii. Lektsiya 1: Pochemu russkie boyalis' impressionizma?* [The Adventures of Monet, Matisse and Picasso in Russia. Lecture 1: Why Russians were afraid of Impressionism?]. Available at: <https://arzamas.academy/materials/1445>